

М. Ковалевскаго.

№ 1979

755 / 24780 / каб. лей. 3р.

ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ

МЕТОДЪ

ВЪ ЮРИСПРУДЕНЦІИ

И

ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНІЯ ИСТОРИИ ПРАВА.

МОСКВА.

Типографія Θ Б. Миллера (Яузск. части, 1-го кв., соб. д.).

1880.

Дозволено цензурой. Москва, 10 октября 1879 года.

Всеволоду Федоровичу

Миллеру,

моему другу и учителю.

С П 6 Г

Историко-сравнительное изученіе права.

Историко-сравнительное изученіе права—дѣло пока еще новое, не только у насъ, но и на западѣ. Какъ ни простъ можетъ показаться съ перваго взгляда самый терминъ сравнительнаго метода, тѣмъ не менѣе въ пониманіи его конкретнаго содержанія существуетъ доселѣ полное разногласіе. Отсюда необходимость остановиться на первыхъ же порахъ на вопросѣ о томъ, что мы разумѣемъ подъ сравнительнымъ методомъ въ примѣненіи къ вопросамъ права?

Что сравнительный методъ предполагаетъ параллельное изученіе, по меньшей мѣрѣ, двухъ законодательствъ, что результатомъ его примѣненія является выдѣленіе чертъ сходства и различія—вотъ то представленіе, какое невольно возникаетъ въ умѣ cadaго, кто слышитъ о сравнительномъ методѣ въ примѣненіи къ юриспруденціи. Здравый смыслъ говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякому, что такого рода сравненіе, какъ бы любопытны ни были сравниваемые факты, никакого научнаго значенія не имѣетъ и имѣть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую важность можетъ имѣть,

положимъ, тотъ выводъ, какой получается при сравненіи кастоваго устройства древней Индіи съ полнымъ отсутствіемъ не только кастъ, но и сословій въ Соединенныхъ Штатахъ; или какое научное положеніе въ правѣ мы построимъ, узнавши изъ сравненія, что система двухъ палатъ существуетъ, какъ въ Англіи, такъ и въ Бельгіи, или, что министерство внутреннихъ дѣлъ можно найти и въ Россіи, и въ Испаніи?— Я привожу, очевидно, только самые рѣзкіе примѣры, такъ какъ они всего нагляднѣе иллюстрируютъ мою мысль. Безполезность простаго сравненія законодательствъ двухъ народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, выступаетъ гораздо слабѣе, если взять, напр., такія двѣ страны, какъ Франція или Англія въ началѣ XIX вѣка, и задаться, положимъ, тѣмъ же вопросомъ о преимуществахъ политическаго устройства той или другой, какимъ занимались сплошь и рядомъ французскіе доктринеры эпохи реставраціи. Ошибка такихъ публицистовъ, какъ Бенжаменъ Констанъ или Барантъ,— ошибка, отразившаяся самымъ роковымъ образомъ не только въ сферѣ политики, какъ науки, но и политики, какъ практики,— состояла именно въ томъ, что, сравнивая государственныя учрежденія обѣихъ странъ и отдавая преимущество англійскимъ, они въ возсозданіи всѣхъ особенностей англійской конституціи съ ея аристократическимъ строемъ, съ ея высокимъ избирательнымъ цензомъ, съ ея,

выражаясь однимъ словомъ, феодальными анахронизмами, видѣли, такъ сказать, категорическій императивъ разума. Въ Англіи существовала политическая свобода, разсуждали они, во Франціи ея не было; въ Англіи политическая свобода встрѣчалась рука объ руку съ крупнымъ землевладѣніемъ, съ политическимъ преобладаніемъ аристократіи, съ фактической возможностью представительства для однихъ владѣтельныхъ классовъ. Чтобы Франція могла уподобиться Англіи, необходимо было, думали доктринеры, возсоздать во Франціи аристократію и какъ земледѣльческой классъ, и какъ политически правящее сословіе; необходимо было установить верхнюю палату изъ членовъ искусственно созданной періи, ввести высокій избирательный цензъ, однимъ словомъ, перенести цѣликомъ въ общество, въ теченіе вѣковъ развивавшееся въ направленіи къ гражданскому равенству и всесословности, недавно еще пережившее въ интересахъ практическаго упроченія этихъ общественныхъ идеаловъ самый крутой переворотъ, какой запомнитъ исторія, привычки и учрежденія страны, въ которой общественное неравенство уживается съ полной политической терпимостью, а потому и свободой. При такомъ перенесеніи цѣликомъ чужихъ нравовъ, обычаевъ и институтовъ, очевидно, не принималось въ расчетъ, что объ страны, между которыми производимо было сравненіе, находились на двухъ совершенно различныхъ ступеняхъ развитія, что, отсталая въ по-

литическомъ отношеніи. Франція далеко опередила Англію въ отношеніи общественномъ, и что, поэтому, то, что считали дѣломъ прогресса, было въ дѣйствительности дѣломъ реакціи. Такимъ образомъ въ основаніи факта пародированія Франціей, а по ея образцу и другими государствами континента англійской конституціи, — лежитъ въ дѣйствительности ничто иное, какъ логическая ошибка, — логическая ошибка, которая для своего исправленія потребовала революцій 30 и 48 года.

Мнѣ кажется, что послѣ сказаннаго едва ли является необходимость настаивать на томъ, что простое сравненіе между законодательствомъ двухъ странъ, помимо отношенія къ вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ одна изъ нихъ отстала отъ другой въ своемъ общественномъ развитіи, и бесполезно, и опасно; — бесполезно въ томъ смыслѣ, что изъ факта случайнаго сходства или не менѣе возможнаго различія нельзя выводить ровно никакихъ научныхъ заключеній; опасно, такъ какъ принимая свое произвольное заключеніе за научный выводъ, легко временно навязать странѣ учрежденія и нравы, переворотъ въ которыхъ стоилъ ей многихъ усилій и жертвъ, сжиться съ которыми она болѣе не въ состояніи иначе, какъ подъ условіемъ отказаться отъ своего прошлаго — отъ своей исторіи.

Безплодность простаго сравненія учреждений двухъ произвольно взятыхъ странъ въ настоящее время такъ чутко сознается историками права, что они даже отказываются признавать за такимъ

сравненіемъ значеніе сравнительнаго метода и называютъ его просто-на просто методомъ сопоставительнымъ. Сопоставлять законодательства нѣсколькихъ народовъ по тому или другому вопросу, конечно, можетъ быть очень интересно; но дѣлать, на основаніи этого сопоставленія, тотъ выводъ, что одно абсолютно хорошо, а другое абсолютно дурно; что одно поэтому должно быть всюду введено, а другое отовсюду вытѣснено — значитъ ни больше ни меньше, какъ наглядно доказывать полиѣйшую неспособность видѣть причинную связь между законодательствомъ извѣстнаго народа и суммою тѣхъ общественныхъ явленій, при которыхъ оно развилось.

Уже изъ сказаннаго ясно, что, говоря о сравнительномъ методѣ, мы отнюдь не разумѣемъ подъ нимъ простаго сравненія или сопоставленія. Въ чемъ же, если не въ сопоставленіи, состоитъ методъ сравнительный?— Отвѣчая на этотъ вопросъ, я позволю себѣ, прежде всего, измѣнить нѣсколько самый терминъ и говорить не о сравнительномъ методѣ просто, а о методѣ историко сравнительномъ. При сравнительномъ методѣ просто, который, для меня, то же, что методъ сопоставительный, сравненіе дѣлается между двумя или болѣе, произвольно взятыми, законодательствами. Китай и Англія, Персія и Франція постоянно сравниваются между собою въ сочиненіи Монтескье, держащагося метода сравнительнаго, въ смыслѣ сопоставительнаго. О такомъ сравненіи нѣтъ и помину въ работахъ

тѣхъ немногихъ историковъ и юристовъ, которые своими трудами проложили путь и представили образцы историко-сравнительнаго метода въ юриспруденціи. Тѣ или другія законодательства сравниваются ими или потому, что тѣ народы, которымъ принадлежатъ эти законодательства, происходятъ отъ одного общаго ствола, а, слѣдовательно, и способны были въ ихъ глазахъ вынести изъ общей родины общіе юридическіе убѣжденія и институты, или же потому, что не имѣя даже такого общаго происхожденія, а, слѣдовательно, и такого общаго достоянія обычаевъ, правовъ и учрежденій, они одинаково дожили или доросли до нихъ, другими словами, достигли одинаковыхъ ступеней общественнаго развитія. Въ первомъ смыслѣ сравнительный методъ понимаетъ и практикуетъ Фриманъ и, по его образцу, проф. Сергѣевичъ; во второмъ онъ находитъ примѣненіе себѣ въ трудахъ тѣхъ преимущественно англійскихъ и нѣмецкихъ историковъ и юристовъ, совокупнымъ успіямъ которыхъ удастся, какъ я думаю, подарить еще XIX вѣкъ естественной исторіей общества.

Обращаюсь къ критикѣ перваго изъ этихъ воззрѣній.

Въ главѣ, отводимой сравнительному методу въ монографіи «Государство и право въ исторіи», проф. Сергѣевичъ даетъ ему, какъ мнѣ кажется, весьма точное изложеніе, изложеніе, которое скорѣе выигрываетъ, нежели проигрываетъ отъ своей сжатости. « При всемъ видимомъ разнообразіи условій въ

исторіи самыхъ удаленныхъ одинъ отъ другаго народовъ, говоритъ онъ, замѣчается поразительное сходство; гдѣ причины этихъ сходствъ? Фриманъ, останавливаясь на этомъ вопросѣ, приходитъ къ тремъ возможнымъ причинамъ сходныхъ явленій быта народовъ. Сходства могутъ быть вопервыхъ результатомъ прямой передачи учрежденій одного народа другому.... Второй источникъ сходствъ заключается въ дѣйствиі одинакихъ причинъ, которыя всегда приводятъ къ одинакимъ послѣдствіямъ.... Наконецъ, Фриманъ различаетъ и третью причину сходствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и третью категорію сходныхъ явленій; эта категорія обязана своимъ сходствомъ происхожденію народовъ отъ одного общаго корня. Явленія этой третьей категоріи — общее наслѣдство, которое народы получили отъ той доисторической эпохи, когда они всѣ еще составляли одинъ народъ и жили вмѣстѣ». Фриманъ, прибавимъ мы отъ себя, въ первыхъ же главахъ своего сочиненія старается иллюстрировать свою мысль примѣрами, другими словами, указываетъ на тѣ явленія политическаго быта трехъ сравниваемыхъ имъ арійскихъ народовъ, грековъ, римлянъ и германцевъ, возникновеніе которыхъ должно быть приписано не дѣйствию одинакихъ причинъ, а факту непосредственнаго перенесенія ихъ изъ общей имъ родины. Въ италійской, греческой и германской древности, говоритъ онъ, мы одинаково находимъ зародыши того политическаго устройства, которое является результатомъ смѣшенія,

какъ монархическаго, такъ аристократическаго, такъ, наконецъ, и демократическаго принципа въ управленіи. Король, правящій народомъ не по произволу, а съ совѣта старѣйшинъ (т. е. лицъ, превосходящихъ остальныхъ возрастомъ, происхожденіемъ, или личными заслугами), испрашивая вмѣстѣ съ тѣмъ согласія народнаго собранія, каждый разъ въ случаяхъ особой важности—вотъ въ чемъ состоятъ типическія особенности общаго арійцамъ съ древнѣйшихъ временъ порядка политическаго устройства. Это положеніе Фриманъ считаетъ себя въправѣ вывести на основаніи данныхъ сравнительнаго языкознанія; послѣднее одно въ состояніи, въ его глазахъ, дать намъ матеріаль къ положительному рѣшенію вопроса о томъ, объясняется ли сходство явленій въ учрежденіяхъ сравниваемыхъ народовъ фактомъ перенесенія этихъ учрежденій изъ общей имъ родины, или же одной лишь одинаковостью причинъ. Если, полагаетъ онъ, въ языкахъ сравниваемыхъ народовъ термины, обозначающіе сходныя учрежденія, происходятъ отъ общаго корня, то мы имѣемъ вѣрный признакъ тому, что самыя эти учрежденія возникли впервые въ общей родинѣ и разнесены были въ послѣдствіе въ разные концы міра народностями, постепенно отдѣлившимися отъ общаго арійскаго ствола. То обстоятельство, что въ языкѣ того или другаго народа терминъ для обозначенія общаго всѣмъ имъ учрежденія по корню своему отличается отъ терминовъ для обозначенія того же учрежденія

въ другихъ языкахъ, еще не доказываетъ того, чтобы учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь, не возникло впервые въ общей родинѣ, такъ какъ утрата однокореннаго термина тѣмъ или другимъ арійскимъ языкомъ есть явленіе вполне возможное. Возвращаясь къ приводимому имъ самимъ примѣру смѣшанной формы политическаго устройства, какъ особенности арійской расы, Фриманъ показываетъ, какъ, при обозначеніи верховнаго правителя разнокоренными терминами «рексъ» и «кунингъ» (rex, cuning), римляне и германцы въ то же время имѣли однокоренныя слова для выраженія самаго дѣйствія правленія, какъ то: у римлянъ — «регере» (regere), въ старо-англійскомъ — «райсъ» (rīce), въ голландскомъ — «рейхъ» (reich) и т. д. Мы не будемъ останавливаться на приведеніи другихъ однохарактерныхъ попытокъ Фримана обосновать на данныхъ сравнительной грамматики фактъ перенесенія отдѣльными арійскими племенами изъ общей имъ родины первыхъ зачатковъ, какъ народнаго собранія, такъ и совѣта старѣйшинъ; сказаннаго нами уже достаточно для освѣщенія основнаго взгляда англійскаго историка на характеръ и приемы сравнительнаго метода.

Переходимъ въ настоящее время къ критикѣ этого воззрѣнія. 1) Сравнительная грамматика несомнѣнно въ состояніи открыть предъ нами картину матеріальнаго быта арійцевъ въ эпоху ихъ совмѣстнаго сожительства; но сдѣлать тоже въ

равной мѣрѣ и по отношенію къ общественному быту ихъ — она положительно не можетъ, и вотъ по какой причинѣ. Когда въ арійскихъ языкахъ мы находимъ однокоренныя выраженія для обозначенія, положимъ, породъ домашнихъ животныхъ, то намъ не представляется труда вывести заключеніе, что прирученіе ихъ человѣкомъ имѣло мѣсто еще въ эпоху совмѣстнаго сожительства арійцевъ; того же далеко нельзя сказать о терминахъ, служащихъ для обозначенія какихъ либо не матеріальныхъ, а нравственныхъ понятій. Изъ того обстоятельства, что *gegere* и *gise* — слова однокоренныя, еще не слѣдуетъ, чтобы конкретныя представленія, связанныя съ каждымъ изъ нихъ, были бы тождественны; сравнительная грамматика безсилна сказать намъ, что разумѣли подъ правленіемъ римляне, — тоже ли, что и германцы или нѣтъ? — Вотъ первое возраженіе, какое мы позволяемъ себѣ сдѣлать противъ теоріи Фримана; оно далеко не главное.

2) II. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ исторіей народовъ, призванныхъ къ развитію государственной жизни, приходишь къ заключенію, что ни одинъ народъ не развилъ своей гражданственности самъ по себѣ безъ этнографическаго смѣшенія съ другими, — смѣшенія, вызваннаго нашествіями и завоеваніями. Возьмемъ ли мы Индію, Персію, Грецію, Римъ, славянскія и кельтическія государства, мы одинаково принуждены будемъ сказать, что каждое изъ нихъ является

дѣятельнымъ факторомъ историческаго прогресса уже послѣ того, какъ въ его средѣ произошло сліяніе разноплеменныхъ, долгое время враждебныхъ другъ другу, народностей. Кто, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится утверждать, что въ Индіи мы встрѣчаемъ лишь чистую арійскую кровь безъ примѣси туранской въ лицѣ народовъ дравидійскаго происхожденія? Кому не извѣстно, что историческая роль персовъ начинается съ момента сліянія ихъ съ мидянами—народомъ туранской расы? Развитіе римской гражданственности опять таки связано съ фактомъ воздѣйствія на нее этрусковъ — народа далеко не арійской крови. Что кельты застали Европу заселенной народами туранскаго происхожденія *), иберами и лигурами, извѣстно каждому, кто мало-мальски знакомъ съ археологіей западной Европы; основаніе же русскаго государства одновременно славянскими и финскими племенами засвидѣтельствовано ни кѣмъ инымъ, какъ самимъ Несторомъ. Если арійскіе народы выступаютъ на аренѣ исторіи не въ своей первоначальной этнографической чистотѣ, а послѣ смѣшенія съ инородными племенами, то, спрашивается, какая имѣется возможность относить тѣ или другія явленія ихъ общественной жизни

*) Не имѣя въ виду лингвистической точности, я понимаю подѣ туранскими племенами тѣ же, что и Максъ Мюллеръ, т. е. не семитовъ и не аріевъ.

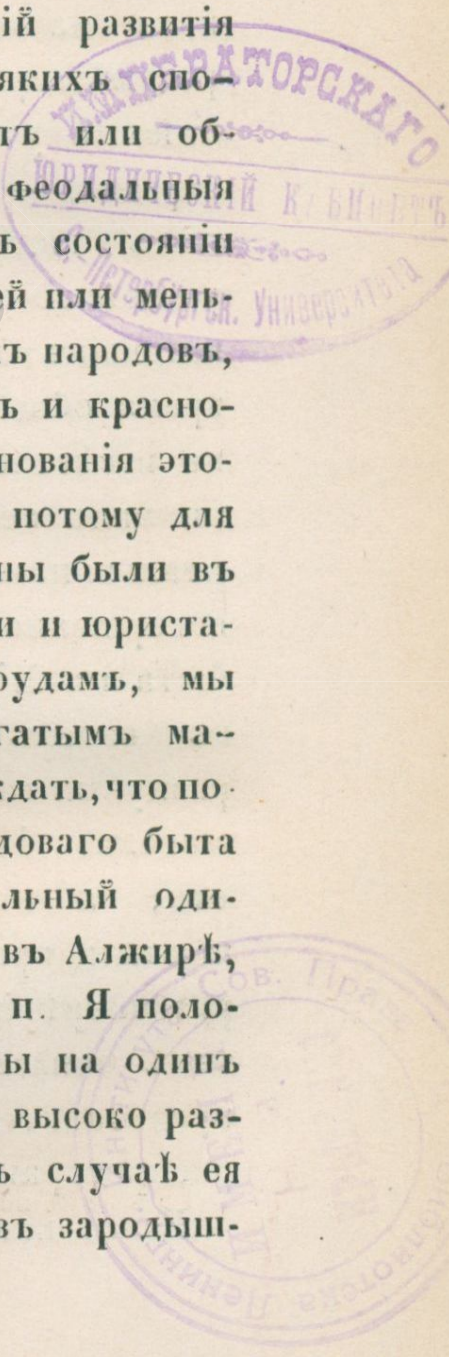
исключительно на счетъ ихъ общеарійскаго происхожденія?

3) III. Къ этимъ двумъ возраженіямъ прибавимъ еще одно. Допуская даже, что тѣ или другія учрежденія существовали у той или другой вѣтви арійскаго племени уже въ первоначальной его родинѣ, какое, спрашивается, имѣемъ мы ручательство тому, что эти учрежденія не исчезли постепенно, не вышли мало-по-малу изъ употребленія подъ вліяніемъ измѣнившейся среды. Случай такого поворота въ исторіи нерѣдки: кому не извѣстенъ классическій въ этомъ отношеніи примѣръ Рэтіи (нынѣшняго Граубюндена), этрусское населеніе которой, достигшее въ эпоху римлянъ довольно высокой ступени культуры, постепенно вытѣснено было изъ долинъ въ горы кельтскими и германскими завоевателями и развило въ нихъ, дотолѣ чуждую ему, но вполне отвѣчавшую измѣнившимся физическимъ условіямъ его быта, пастушески-общинную жизнь. Кому не извѣстенъ также примѣръ берберовъ и постепеннаго перехода ихъ отъ индивидуальныхъ формъ имущественныхъ отношеній, развившихся въ ихъ средѣ подъ вліяніемъ римлянъ и римскаго права, къ общиннымъ по мѣрѣ вытѣсненія ихъ въ пустыню арабскими нашествіями? Въ примѣрахъ едва ли можетъ оказаться недостатокъ, но и приведенныхъ уже вполне достаточно для нашей цѣли.

4) IV. Тогда какъ вынесеніе извѣстныхъ учреж-

деній изъ общей арійцамъ родины почти не можетъ быть доказано, тогда какъ невозможность утраты общаго арійскаго достоянія подъ вліяніемъ измѣнившихся условій является болѣе чѣмъ сомнительной. возникновеніе однохарактерныхъ съ арійскими учрежденій у совершенно разноплеменныхъ съ ними народностей подъ вліяніемъ прохожденія ими одинаковыхъ стадій развитія въ настоящее время стоитъ внѣ всякихъ споровъ. Возьмемъ ли мы родовой бытъ или общинное устройство, клановыя или феодальныя формы общежитія, мы одинаково въ состояніи будемъ констатировать ихъ въ большей или меньшей степени развитія, какъ у арійскихъ народовъ, такъ и у семитовъ, туранцевъ, негровъ и краснокожихъ. Попытки фактическаго обоснованія этого, на первый взглядъ страннаго и потому для многихъ спорнаго, положенія сдѣланы были въ разное время этнографами, историками и юристами. Благодаря ихъ совокупнымъ трудамъ, мы располагаемъ въ настоящее время богатымъ матеріаломъ, дающимъ намъ право утверждать, что постепенный переходъ, положимъ, родоваго быта въ общинный и общиннаго въ феодальный одинаково встрѣчается и въ Мексикѣ, и въ Алжирѣ, и въ имперіи Великаго Могола и т. п. Я положительно затрудняюсь указать хотя бы на одинъ институтъ, если не современнаго намъ высоко развитаго быта Европы, то во всякомъ случаѣ ея средневѣковаго быта, который бы въ зародыш-

Раб. ком. прелл
24760.

номъ состояніи или въ болѣе или менѣе уже опредѣлившемся видѣ не могъ бы быть найденъ не только у разноплеменныхъ съ арійцами народовъ древняго Востока, евреевъ въ томъ числѣ, но даже у жителей другихъ частей свѣта, Африки или Америки. То явленіе въ частности, на которое Фриманъ указываетъ съ гордостью, какъ на общее достояніе арійской семьи, — я разумѣю умѣренный образъ правленія, не исключяющій участія народа и аристократіи въ дѣлахъ страны, — встрѣчается въ томъ же зародышномъ видѣ, что и у первобытныхъ арійцевъ, у любого народа, живущаго родовымъ или общиннымъ бытомъ, хотя и не имѣющаго въ то же время общаго съ арійцами происхожденія. Кому не извѣстно также, что арійское происхожденіе ни мало не помѣшало французамъ, испанцамъ, итальянцамъ и цѣлому ряду другихъ народностей совершенно утратить эту форму политическаго быта въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и приблизиться въ своемъ политическомъ устройствѣ къ образцу китайской имперіи или царству великаго могола. Не вдаваясь въ излишнія подробности, я полагаю, что можно сказаннымъ закончить критику Фриманова ученія и перейти къ разсмотрѣнію задачъ сравнительнаго метода въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его лучшіе представители этого новаго и потому еще слабо распространеннаго направленія въ юриспруденціи.

Если, какъ оказалось изъ нашего разбора, при-

чины сходства между учрежденіями разныхъ временъ, странъ и народовъ лежатъ ни въ чемъ иномъ, какъ или въ фактъ прямаго заимствованія, или въ одинаковости условій, выражаясь языкомъ самого Фримана, то ясно, что первой задачей сравнительнаго метода выдѣлить въ особыя категоріи ту и другую сумму сходныхъ явленій. Остановливаясь въ частности на тѣхъ изъ нихъ, которыя вызваны одинаковостью условій, юристъ съ помощью историко сравнительнаго метода въ состояніи будетъ отвѣтить на вопросъ о томъ, чѣмъ вызывается эта одинаковость условій. Очевидно, источникъ ея лежитъ не въ повторяемости однихъ и тѣхъ же событій на разстояніи вѣковъ и тысячелѣтій, такъ какъ такихъ повтореній не знаетъ исторія, а въ прохожденіи разными народами одинаковыхъ стадій общественнаго развитія — обстоятельство, благодаря которому, при несходствѣ въ цѣломъ рядѣ исторіей опредѣляемыхъ явленій, два или болѣе сравниваемыхъ народа могутъ имѣть общія имъ формы быта нерѣдко на разстояніи тысячелѣтій и при полной разобщенности. Такимъ образомъ задача сравнительнаго метода въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ его, сводится къ тому, чтобы, выдѣливши въ особую группу сходныя у разныхъ народовъ на сходныхъ ступеняхъ ихъ развитія обычаи и учрежденія, дать тѣмъ самымъ матеріалъ для построенія исторіи прогрессивнаго развитія формъ общежитія и ихъ вышшаго выраженія права. Принимая во вниманіе

разноплеменные народности, изучая въ историческомъ развитіи ихъ разнообразныя институты, историкъ-юристъ отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ, которые своимъ существованіемъ свидѣтельствуютъ о господствѣ у разныхъ народовъ въ разные времена однохарактерныхъ формъ общежитія. Констатированіемъ факта прохожденія разноплеменными народностями однѣхъ и тѣхъ же стадій развитія, историкъ-юристъ не ограничиваетъ еще своей задачи: онъ идетъ далѣе этого, пытается выяснитъ причины постепенной замѣны однѣхъ формъ чело-вѣческаго общежитія и однихъ нормъ права другими и возстановляетъ ходъ преемственнаго развитія обоихъ. На этомъ въ наше время и должна остановиться его работа; не то чтобы въ сравнительномъ методѣ не заключалось источника для объясненія причинъ не только сходства, но и различія въ общественномъ развитіи разныхъ народностей: ключъ къ такому объясненію несомнѣнно содержится въ немъ одномъ и будущіе изслѣдователи не преминутъ имъ воспользоваться, будущіе, но не настоящіе, такъ какъ послѣднимъ не представляется рѣшительно возможности выдѣленія чертъ различія, не рѣшивши предварительно вопроса, въ чемъ же состоятъ сходства; другими словами, объясненіе причинъ отклоненій въ общественномъ развитіи того или другаго народа отъ общаго всѣмъ имъ и потому нормальнаго хода немыслимо раньше, какъ послѣ предварительнаго рѣшенія, каковъ этотъ послѣдній. Поэтому, предоставляя будущимъ изслѣ-

дователямъ дополненіе и исправленіе нашихъ выводовъ, ограничимся одной лишь предварительной работой — попытаемся выяснитъ на основаніи почти необъятнаго историко-юридическаго матеріала общій ходъ развитія формъ человѣческаго общежитія.

Приемы изучения истории права.

Историко-сравнительный методъ является не только средствомъ къ построению совершенно новой науки—истории естественнаго роста человѣческихъ обществъ, но и необходимымъ приемомъ изученія истории права того или другаго народа. Съ этой точки зрѣнія мы и рассмотримъ его въ настоящей главѣ, посвященной обозрѣнью приемовъ историческаго изученія права.

Профессоръ Сергѣевичъ совершенно правъ, когда утверждаетъ, что сравнительный методъ не въ силахъ прибавить къ системѣ даннаго историческаго права ни одного новаго факта; что онъ, самое большее, способенъ пролить новый свѣтъ на уже добытые факты и навести на объясненіе неяснаго. Я не могу поэтому согласиться съ профессоромъ Дитяинымъ, что въ изученіи обычнаго права одного народа лежитъ путь къ открытію новыхъ фактовъ у другаго (См. «Кр. Об.», № 17, стр. 4). Приводимый имъ примѣръ открытія у насъ сложной семейной общины лицами, знакомыми съ существованіемъ послѣдней у другихъ народовъ, говоритъ лишь въ пользу

того, что сравнительный методъ можетъ навести изслѣдователя на извѣстнаго рода мысли, заставить его искать тѣ или другія учрежденія въ исторіи спеціально изучаемаго имъ права, и больше ничего.

Значеніе сравнительнаго метода вовсе не состоитъ въ открытіи новыхъ фактовъ, а въ научномъ объясненіи уже найденныхъ. Очевидно, что съ тѣхъ поръ, какъ исторія права стала останавливать на себѣ вниманіе юристовъ, другими словами, съ самаго возникновенія исторической школы правовѣдѣнія въ Германіи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія стала чувствоваться потребность и въ объясненіи причинъ, породившихъ обнаруживаемые исторіей правовые факты. При узкой спеціализаціи научнаго труда, при исключительномъ знакомствѣ съ законодательствомъ лишь одного какого нибудь народа трудно было приписать возникновеніе въ его средѣ тѣхъ или другихъ юридическихъ нормъ дѣйствию общихъ ему съ другими народами причинъ; оставалось поэтому искать источникъ ихъ возникновенія въ той сложной и нелегко расчленимой причинѣ, которую, говоритъ Бинеръ въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, мы привыкли называть духомъ народа. Года два тому назадъ я имѣлъ уже случай говорить о полной ненаучности такого рода объясненій; избѣгая повтореній, я ограничусь въ настоящее время однимъ лишь указаніемъ на то обстоятельство, что цѣлый рядъ правовыхъ явле-

ній, которыя нѣмцы отнесли на счетъ германскаго духа, а наши славянофилы на счетъ славянскаго, оказались общими, не только обѣимъ народностямъ, но и цѣлому ряду другихъ, хотя и разноплеменныхъ съ ними, но достигшихъ въ тотъ или другой періодъ своей исторіи одинаковыхъ ступеней общественнаго развитія. Возьмемъ для примѣра хотя бы общинное владѣніе землею; кому не памятно еще то время, когда московскіе славянофилы, со словъ барона Гакстгаузена, стали превозносить, если не изучать, наше мірское землевладѣніе, какъ чистый продуктъ славянскаго духа,—духа, которому также свойственна любовь къ общинности, какъ нѣмцамъ—стремленіе къ индивидуализаціи. Потребовалось работъ Маурера и всей созданной имъ школы для того, чтобы показать, что общинное землевладѣніе извѣстно всему средневѣковому западу и что индивидуализація недвижимой собственности есть явленіе сравнительно новое, обязанное своимъ возникновеніемъ дѣйствию міроваго закона борьбы за существованіе. Спеціальныя изслѣдованія по исторіи поземельныхъ отношеній у народовъ кельтической расы, у индусовъ, а въ послѣднее время и у совершенно разноплеменныхъ съ арійцами краснокожихъ, берберовъ, малайцевъ, подкрѣпляя выводы Маурера, навсегда устранили возможность разглагольствованій объ исключительномъ пристрастіи той или другой расы или народа къ тому или другому виду землевладѣнія. Взятый

мною примѣръ, въ моихъ глазахъ, иллюстрируетъ самымъ нагляднымъ образомъ то значеніе, какое для исторіи любого права представляетъ историко-сравнительный методъ. Одно лишь пользованіе имъ открываетъ путь къ научному объясненію причинъ возникновенія того или другого учрежденія въ исторіи изучаемаго права. Путемъ сравненія одного законодательства съ возможно большимъ числомъ другихъ, при томъ не случайно взятыхъ, а принадлежащихъ народамъ, близкимъ по своему общественному развитію къ тому, законодательство котораго представляетъ прямой предметъ изученія, юристъ-историкъ пріобрѣтаетъ возможность постепеннаго восхожденія до общихъ міровыхъ причинъ развитія тѣхъ или другихъ юридическихъ отношеній. Относя въ отдѣльную группу то сравнительно небольшое число нормъ изучаемаго имъ права, которыя обязаны своимъ возникновеніемъ факту прямаго заимствованія у сосѣдей, историкъ-юристъ открываетъ дѣйствительный источникъ происхожденія для большинства явленій изучаемаго имъ права не въ метафизическомъ представленіи о какомъ-то особомъ «народномъ духѣ», а въ вполне реальномъ фактѣ постепеннаго осложненія исконной борьбы за существованіе прогрессивнымъ дифференцірованіемъ общественныхъ группъ, выдѣленіемъ изъ родовыхъ и общинныхъ союзовъ особаго религіознаго, военно-служилаго и ремесленно-торговаго классовъ, постепеннымъ развѣтвленіемъ правительственныхъ

функцій и созданиємъ особыхъ органовъ для каждой изъ нихъ въ лицѣ народныхъ старѣйшинъ, совѣтовъ и собраній съ подчиненными имъ инстанціями. Не настаивая долѣе на этой мысли, болѣе обстоятельно развитой мною въ другомъ мѣстѣ, я замѣчу въ заключеніе, что далеко не всѣ факты юридической жизни народа найдутъ объясненіе себѣ въ одной изъ двухъ вышеуказанныхъ причинъ, — я разумѣю прямое заимствование или прохожденіе одинаковыхъ ступеней развитія. Сравнительно небольшое число явленій останутся все-таки необъясненными; въ этихъ явленіяхъ и слѣдуетъ видѣть дѣйствительныя особенности праваго развитія изучаемаго народа, источникъ которыхъ лежитъ частью въ привитыхъ ему исторіей психическихъ свойствахъ, частью въ физическихъ условіяхъ занимаемой имъ страны. Сказаннаго вполне достаточно, чтобы показать, что сравнительный методъ составляетъ необходимый приемъ при изученіи не только всемірно-историческаго права, но и исторіи права какаго нибудь опредѣленнаго народа. Его примѣненіе, не ведя къ открытію новыхъ фактовъ юридической жизни, одно способно дать научное объясненіе уже установленнымъ фактамъ.

Совершенно иное значеніе имѣютъ тѣ приемы научнаго изученія исторіи юридическаго развитія того или другаго народа, къ описанію которыхъ я перейду въ настоящее время. Пользованіе ими ведетъ уже непосредственно къ открытію

цѣлаго ряда фактовъ, указанія на которые или вовсе не сохранились въ дошедшихъ до насъ историческихъ памятникахъ, или содержатся въ нихъ лишь въ отрывочномъ и не ясномъ видѣ, допускающемъ возможность разнорѣчивой интрепретаціи. Во главѣ этихъ пріемовъ, по его плодотворности, должно быть поставлено изученіе фактовъ переживанія. Этотъ пріемъ, широкому примѣненію котораго англійскій ученый Тейлоръ обязанъ большинствомъ своихъ интересныхъ выводовъ, столь же плодотворенъ въ примѣненіи къ изученію исторіи учреждений, какъ и въ примѣненіи къ исторіи религіозныхъ вѣрованій, домашнихъ нравовъ, привычекъ и повѣрій. Обоснованіе себѣ онъ находитъ въ томъ соображеніи, что позднѣйшія по времени появленія формы общежитія не вытѣсняють собою сразу всѣхъ слѣдовъ предшествующаго имъ по времени порядка. Послѣдніе продолжаютъ держаться въ теченіе цѣлыхъ столѣтій въ формѣ обычаевъ и обрядовъ, дѣйствительный смыслъ которыхъ легко можетъ быть несознаваемъ лицами, ихъ практикующими, но которые тѣмъ не менѣе строго соблюдаются преимущественно простонародьемъ, какъ дорогое наслѣдіе предковъ. Чѣмъ уединеннѣе проходитъ жизнь той или другой народности, чѣмъ далѣе отстоитъ занимаемая ею мѣстность отъ центровъ обще-гражданскаго оборота, чѣмъ благоприятнѣе физическія условія страны удержанію примитивныхъ формъ производства, тѣмъ сильнѣе будетъ консерватизмъ

права обычнаго или писанаго, тѣмъ больше въ народномъ быту окажется обломковъ юридическаго прошлаго, тѣмъ легче будетъ поэтому для изслѣдователя возстановленіе этого прошлаго, другими словами, тѣмъ плодотворнѣе будетъ изученіе фактовъ переживанія.

Послѣ Индіи, Россія представляетъ по всей вѣроятности ту страну, которая заключаетъ въ себѣ наибольшее число обычаевъ, обрядовъ, юридическихъ поговорокъ, пословицъ и т. п., въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются по крайней мѣрѣ нѣкоторыя черты раннихъ формъ общежитія, древнихъ, если не древнѣйшихъ, нормъ частнаго и публичнаго права. Вотъ почему ни въ одной, быть можетъ, странѣ изученіе дѣйствующаго обычнаго права не можетъ быть болѣе плодотворнымъ, не должно бы приковывать къ себѣ большаго вниманія и занимать большее число научныхъ силъ. Сознаніе этой истины, вмѣстѣ съ практической потребностью исправленія нашего писанаго права, путемъ приведенія его въ большее соотвѣтствіе съ тѣмъ, которое одно по справедливости можетъ быть названо самопроизвольнымъ выраженіемъ юридическаго сознанія народа (я разумѣю право обычное), и является причиной тому, что ни въ одной странѣ нельзя найти столькихъ попытокъ ознакомленія съ юридическимъ бытомъ простонародья, съ дѣйствующими въ его средѣ обычаями и обрядами, какъ именно въ Россіи. Рядъ ученыхъ

обществъ: географическое и вольно-экономическое въ Петербургѣ, этнографическое и юридическое— въ Москвѣ открыли на поляхъ своихъ изданій доступъ къ печатанію цѣлаго ряда въ высшей степени цѣнныхъ данныхъ, представляющихъ точную характеристику народнаго брачнаго, вещнаго и договорнаго права, права уголовного, гражданскаго и уголовного процесса. Такіе добросовѣстные труженики, какъ гг. Ефименко и Матвѣевъ, профессоръ Кистяковскій или графъ Кастровъ, шлютъ намъ неоцѣненные по богатству матеріала отчеты о юридическомъ бытѣ самыхъ отдаленныхъ частей нашего обширнаго отечества. Изъ Малоросіи, Самарской губерніи, Архангельской и Якутской идетъ къ намъ цѣлая груда сыраго матеріала, который только ждетъ обработки, чтобы явиться предъ читателемъ не въ формѣ юридическихъ курьезовъ, какимъ онъ до сихъ поръ представляется большинству нашей публики, а въ формѣ культурно-историческихъ этюдовъ, бросающихъ яркій свѣтъ на юридическое прошлое не одного русскаго народа. Прибавьте къ этому изданія сводовъ обычнаго права нашихъ инородцевъ— изданія, редактированіемъ которыхъ профессора Самоквасовъ и Леонтовичъ вполне заслужили благодарность ученыхъ юристовъ,—и вы согласитесь сами, что, рядомъ съ кодификаціей не всегда точно переданныхъ волостныхъ приговоровъ,—кодификаціей, примѣромъ которой является недавно оконченный трудъ г. Пахмана,—трудъ весьма по.

чтенный по количеству затраченнаго на него времени, есть мѣсто еще для работъ совершенно иного характера, въ которыхъ практическіе интересы реформы нашего законодательства или пособіе волостнымъ судамъ и мировымъ учрежденіямъ принуждены будутъ отступить на задній планъ и вниманіе изслѣдователя всецѣло будетъ поглощено однимъ стремленіемъ—возстановить юридическій бытъ прошлаго по его уцѣлѣвшимъ обломкамъ.

Обращая вниманіе читателя на возможность широкаго пользованія методомъ переживаній и нигдѣ въ такой мѣрѣ, какъ въ Россіи, я въ тоже время спѣшу предостеречь его отъ черезчуръ поспѣшнаго отнесенія всякаго рода аномальностей въ правѣ, разумѣется съ точки зрѣнія современнаго юриста, насчетъ чуть не доисторическаго прошлаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какое логическое основаніе думать, что тотъ или другой способъ заключенія брака или юридической сдѣлки, тотъ или другой порядокъ пріобрѣтенія правъ по имуществу и т. п., не вытекающей непосредственно изъ современнаго юридическаго быта, является обломкомъ пережитыхъ стадій правоваго развитія? Почему думать, напр., что запрещеніе завѣщательныхъ распоряженій родовымъ имуществомъ, право родоваго выкупа и т. п. нормы, ни мало не отвѣчающія потребностямъ высоко-развитаго гражданскаго оборота, имѣютъ

своимъ источникомъ ничто иное, какъ господство нѣкогда въ Россіи родового быта; почему не видѣть въ нихъ продукта законодательной дѣятельности правительства въ позднѣйшій періодъ нашего правового развитія, мѣръ, принятыхъ въ интересахъ общей пользы, въ интересахъ ограниченія черезчуръ поспѣшныхъ отчужденій и охраненія семейныхъ родовъ отъ чрезмѣрной расточительности? Развѣ, положимъ, римское право въ позднѣйшій періодъ его развитія не представляетъ цѣлаго ряда ограниченій свободы завѣщаній, развѣ заповѣдность нѣкоторыхъ имуществъ не установлена въ Англіи законодательствомъ Эдуардовъ? Почему то, что имѣло мѣсто въ Римѣ или Англіи, не могло имѣть мѣста и у насъ? — Очевидно юристъ, ограничивающій свою аргументацію одними ссылками на то, что запрещеніе отчуждать родовое имущество, право родового выкупа и т. п., какъ противныя интересамъ гражданскаго оборота, должны быть отнесены къ фактамъ прошлаго, окажется рѣшительно неспособнымъ дать отвѣтъ на вышеставленный вопросъ. Только подъ условіемъ провѣрки тѣхъ гипотетическихъ выводовъ, которые получаютъ путемъ изученія переживаній, данными исторіи права является возможность категорическаго отвѣта, принадлежатъ ли или нѣтъ открываемыя изслѣдователемъ аномальности въ дѣйствующемъ правѣ къ обломкамъ юридическаго прошлаго. Такъ, въ данномъ случаѣ, мы потому лишь отнесемъ запрещеніе отчуждать

родовыя имущества и право родоваго выкупа къ обломкамъ родоваго у насъ быта, что существованіе послѣдняго засвидѣтельствовано, какъ нашей первоначальной лѣтописью, такъ и древнѣйшимъ памятникомъ русскаго права—Ярославовой «Правдой».

Итакъ, соотвѣтствіе выводовъ, получаемыхъ изученіемъ переживаній съ данными исторіи права,—условіе, безъ котораго эти выводы не могутъ имѣть никакой обязательной силы для изслѣдователя. Но, скажутъ намъ, въ такомъ случаѣ методъ изученія переживаній не въ состояніи обогатить насъ ни однимъ новымъ фактомъ, такъ какъ выводы его дѣйствительны лишь подъ условіемъ соотвѣтствія ихъ съ уже извѣстными фактами. Ничуть не бывало: изученіе переживаній способно открыть такія стороны юридическаго быта нашего прошлаго, которыя ни мало не засвидѣтельствованы историческими памятниками; но которыя тѣмъ не менѣе являются естественными логическими послѣдствіями изображаемаго ими быта. Такъ въ взятомъ уже нами примѣрѣ, о правѣ родоваго выкупа, о запрещеніи отчуждать родовыя владѣнія, какъ о принадлежностяхъ родоваго быта, мы узнаемъ лишь на основаніи переживаній, отнюдь не на основаніи тѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, благодаря которымъ мы вправѣ утверждать, что русскіе славяне жили нѣкогда въ родовомъ быту.

Изученіе фактовъ переживанія является не болѣе

какъ однимъ изъ приемовъ, къ которымъ необходимо долженъ обращаться историкъ права съ цѣлью пополненія отрывочнаго матеріала, доставляемаго прямыми источниками его изслѣдованія, памятниками древняго законодательства и древней юридической практики. Рядомъ съ этимъ приемомъ необходимъ еще другой. Онъ состоитъ въ изученіи всей суммы юридическихъ отношеній народа за извѣстный періодъ его исторіи съ тѣмъ, чтобы на основаніи ихъ сдѣлать заключеніе въ частности и объ одновременномъ характерѣ не упомянутаго въ памятникахъ института. Такой приемъ находитъ обоснованіе себѣ въ томъ соображеніи, что всѣ отношенія народнаго юридическаго быта тѣсно связаны между собою, что ни одинъ институтъ частнаго или публичнаго права не стоитъ одиноко самъ по себѣ, но обусловленъ въ своемъ существованіи всею суммою правовыхъ нормъ изучаемаго народа. Пояснимъ сказанное примѣромъ. Въ большинствѣ древнѣйшихъ сводовъ мы напрасно стали бы искать точнаго описанія характера обыденныхъ явленій народнаго быта. Являясь скорѣе сводами законодательныхъ постановленій, принятыхъ племеннымъ старѣйшиной, съ согласія ближайшихъ совѣтниковъ или всего народнаго собранія, пежели кодификаціей всѣхъ дѣйствующихъ у извѣстнаго народа обычаевъ, древнѣйшіе своды нерѣдко упоминаютъ о существеннѣйшихъ сторонахъ народнаго юридическаго быта лишь по поводу внесенія въ нихъ

тѣхъ или другихъ измѣненій законодательной дѣятельностью органовъ высшаго управленія. Неудивительно поэтому, если ни въ одномъ мы не находимъ прямого отвѣта, напримѣръ, на такой вопросъ, существуютъ ли у извѣстнаго народа коллективныя формы собственности, или индивидуальныя, хотя въ тоже время изъ цѣлорада разсѣянныхъ въ нихъ постановленій мы съ нѣкоторой лишь затратой труда можемъ прійти къ опредѣленному представленію на этотъ счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое иное заключеніе, кромѣ признанія формъ коллективнаго землевладѣнія, вправѣ мы сдѣлать на основаніи изученія законодательства, въ которомъ родъ или община являются обыкновеннымъ субъектомъ всякаго рода юридическихъ сдѣлокъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ признана полная неотчуждаемость недвижимой собственности частнымъ лицомъ, или отчужденіе ея дозволено лишь подъ условіемъ согласія родственниковъ и сосѣдей, имѣющихъ право предпочтительной покупки, право родоваго и сосѣдскаго выкупа и даже право на нѣкоторое вознагражденіе за разрѣшеніе акта отчужденія; законодательства, которому одновременно не извѣстенъ ни залогъ недвижимости, ни право дарственнаго или завѣщательнаго распоряженія ею, въ которомъ не встрѣчается даже законнаго наследованія въ недвижимой, а въ одной лишь движимой собственности и т. п.

Какъ ни плодотворенъ вышеуказанный пріемъ,

какъ ни необходимо, а подчасъ и неизбежно обращеніе къ нему, тѣмъ не менѣе большинство извѣстныхъ въ литературѣ попытокъ его примѣненія должно быть признано рѣшительно неудачнымъ. Дѣло въ томъ, что безспорными основанными на немъ выводы могутъ считаться лишь въ томъ случаѣ, когда изслѣдователемъ будетъ принята въ расчетъ вся сумма юридическихъ нормъ извѣстнаго народа въ тотъ или другой періодъ его жизни и ни въ одной изъ этихъ нормъ не обнаружено будетъ прямого противорѣчія съ выставляемой имъ гипотезой. Такъ въ взятомъ уже нами примѣрѣ одинъ фактъ признанія законодательствомъ права свободного залога, даренія или отчужденія частными лицами поземельныхъ участковъ положительно дѣлаетъ немислимымъ вышеприведенный выводъ о существованіи у народа не индивидуальной, а коллективной собственности. Достаточно даже неоспоримо засвидѣтельствованнаго существованія одного изъ вышеназванныхъ явленій для того, чтобы указать полную неосновательность выставленной гипотезы. Несоблюденіе этого требованія, принятіе въ расчетъ изслѣдователями лишь одиночныхъ фактовъ законодательства и поспѣшное заключеніе на основаніи ихъ однихъ о характерѣ изучаемаго ими и невыясненнаго въ самихъ сводахъ института сплошь и рядомъ являлось и доселѣ является причиной совершенно ложныхъ заключеній, способныхъ лишь дискредитировать въ глазахъ чита-

телей самый приемъ, применениемъ котораго они были добыты. Такъ еще въ наши дни, по преимуществу германскіе историки позволяютъ себѣ утверждать фактъ существованія съ древнѣйшихъ временъ частной собственности на землю потому лишь, что въ законодательствѣ или юридической практикѣ древнѣйшаго прошлаго можно было открыть указанія на возникновеніе споровъ о границахъ владѣній, случаи возстановленія нарушеннаго владѣнія или проведеніе межъ народнымъ, окружнымъ или общиннымъ старѣйшиной. Поступая такимъ образомъ, историки, о которыхъ идетъ рѣчь, очевидно совершенно упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что споры о границахъ возможны и при общинномъ владѣніи, точно такъ же, какъ возможно при немъ нарушеніе или возстановленіе владѣльческихъ правъ отдѣльнаго общинника на принадлежащій ему по обычаю наделъ, и что по этому фактъ, на которомъ они опираются свои выводы, мирится въ одинаковой мѣрѣ съ существованіемъ, какъ общиннаго, такъ и частнаго землевладѣнія.

Исслѣдователи, обращающіеся къ только что описанному приему, нерѣдко позволяютъ себѣ дѣлать заключеніе о характерѣ того или другаго института на основаніи тѣхъ болѣе или менѣе скудныхъ свѣдѣній, какія историческіе памятники даютъ намъ объ экономическихъ условіяхъ народовъ въ самой колыбели ихъ развитія. Такого рода приемъ уже потому долженъ быть

признанъ несостоятельнымъ, что, какъ мы показали выше, факты переживанія встрѣчаются сплошь и рядомъ въ народномъ быту и что, слѣдовательно, цѣлый рядъ институтовъ, ни мало не отвѣчающихъ измѣнившимся экономическимъ условіямъ, можетъ тѣмъ не менѣе держаться въ теченіе столѣтій. Заключать по этимъ обломкамъ пережитаго прошлаго о характерѣ современной имъ эпохи было бы болѣе чѣмъ неосновательнымъ; при томъ, не отрицая ни мало связи между экономическимъ бытомъ народа и встрѣчающимися въ его средѣ учреждениями, трудно, на основаніи одного факта господства въ его быту пастушескаго или земледѣльческаго образа жизни, дѣлать заключеніе и о характерѣ дѣйствующихъ въ его средѣ юридическихъ нормъ и институтовъ.

Случаи такого злоупотребленія описаннымъ нами приѣмомъ тѣмъ не менѣе встрѣчаются нерѣдко: на основаніи факта существованія у германцевъ пастушескаго или же наоборотъ земледѣльческаго быта во времена Тацита заключали и о характерѣ поземельнаго владѣнія въ эту пору. Одни думали, что оно необходимо должно было быть общиннымъ, такъ какъ общинныя формы быта свойственны пастушескимъ народамъ; другіе, наоборотъ, утверждали существованіе частнаго землевладѣнія, какъ болѣе отвѣчавшаго, въ ихъ глазахъ, земледѣльческому быту.

Мнѣ едва ли нужно останавливаться на критикѣ подобнаго рода приѣмовъ: ихъ несостоятельность бросается въ глаза сама собою. Но, скажутъ мнѣ,

что же дѣлать въ томъ случаѣ, когда, помимо обращенія къ нимъ, невозможны за недостаткомъ источниковъ никакія опредѣленныя заключенія?— Я полагаю, что въ этомъ случаѣ предстоитъ или воздержаться отъ всякаго рода заключеній, или, представляя послѣднія, считать ихъ не болѣе, какъ гипотетическими выводами, — выводами, провѣрка которыхъ возможна лишь путемъ одновременнаго примѣненія другихъ методологическихъ приѣмовъ.

3 Однимъ изъ такихъ является приѣмъ филологическій. Несомнѣнно, что языкъ есть та часть народнаго достоянія, которая вправѣ претендовать на самую глубокую древность. Сравнительное языкознаніе, указывая на происхожденіе большинства словъ, служащихъ для обозначенія повседневныхъ явленій болѣе или менѣе примитивнаго, а потому и не сложнаго быта, отъ однихъ и тѣхъ же корней въ любомъ изъ арійскихъ языковъ, даетъ тѣмъ самымъ мѣрило древности выражаемыхъ этими словами понятій. Съ помощью сравнительнаго языкознанія филологъ имѣетъ возможность дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, принадлежатъ или нѣтъ термины, доселѣ служащіе для обозначенія семьи и ея составныхъ элементовъ, рода и степеней родства, общины и ея членовъ, племени и его подраздѣленій, отдѣльныхъ органовъ высшаго управленія, короля, совѣта и народнаго собранія и т. п., къ числу тѣхъ, происхожденіе которыхъ можетъ быть отнесено къ незапамятной древности. Къ тѣмъ же резуль-

татамъ можетъ привести въ значительной мѣрѣ и прямое изученіе языка древнѣйшихъ памятниковъ письменности, и филологическій разборъ происхожденія отдѣльныхъ топографическихъ наименованій. Мнѣ пріятно указать на тѣ быстрые успѣхи, какіе сдѣланы за послѣдніе годы, преимущественно въ Германіи, въ отношеніи къ примѣненію вышеуказаннаго приема. Вильгельмъ Арнольдъ, работы котораго я смѣло поставлю во главѣ лучшихъ произведеній нѣмецкой исторической школы, не только подарилъ науку совершенно неожиданными результатами путемъ разбора топографическихъ названій, правда, пока одного только Гессена (говоря это, я разумѣю его прекрасную монографію, озаглавленную: «Поселенія и переселенія германскихъ племенъ» и изданную въ Марбургѣ въ 1875 г.), но и сдѣлалъ въ текущемъ году попытку освѣтить древнѣйшій періодъ германской жизни путемъ широкаго примѣненія вышеуказаннаго приема и провѣрки съ помощью его существующихъ въ литературѣ воззрѣній. Въ свою очередь, нѣмецкій же ученый Циммеръ постарался извлечь путемъ обстоятельнаго изученія Ведъ всѣ тѣ культурныя указанія, какія заключаетъ въ себѣ этотъ древнѣйшій памятникъ индусскаго быта. Не мало также будетъ содѣйствовать, мы надѣемся, дальнѣйшему успѣху работъ по древнѣйшей исторіи права арійскихъ народовъ и новое изданіе классическаго сочиненія Пикте «О первобытныхъ аріяхъ», — сочиненія,

которому суждено было проложить путь къ широкому пользованію данными сравнительнаго языкознанія для историко-культурныхъ построеній.

4
Рядомъ съ изученіемъ данныхъ языка, исторіи преимущественно древнѣйшаго періода праваго развитія, необходимо еще знакомство съ миѳологическими сказаніями. Народъ всегда рисуетъ бытъ своихъ боговъ чертами собственнаго быта. Выдѣлить эти черты тѣмъ болѣе необходимо, что миѳологическія сказанія принадлежатъ вмѣстѣ съ языкомъ къ числу древнѣйшихъ достояній народа. Въ этомъ лежитъ, какъ необходимость ихъ изученія, такъ и опасность черезчуръ поспѣшныхъ заключеній о характерѣ народнаго быта по однимъ миѳологическимъ даннымъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя миѳологическія сказанія прямо занесены къ арійскимъ народамъ съ востока или унаслѣдованы ими вмѣстѣ съ почвою у занимавшихъ ее нѣкогда и покоренныхъ ими племенъ. Неудивительно поэтому, если и та бытовая обстановка, въ которой являются боги и герои миѳологическихъ сказаній, можетъ нисколько не отвѣчать бытовымъ условіямъ того народа, среди котораго распространены эти сказанія; а если такъ, то ясно, что пользуясь одними миѳологическими данными, легко приписать народному быту такіе нравы и обычаи, которые находили сферу своего проявленія нѣрѣдко на разстояніи десятковъ столѣтій, тысячъ и десятковъ тысячъ верстъ. Плодотворность и въ тоже время опасность миѳологическаго приѣма находятъ

себѣ лучшую иллюстрацію въ такихъ работахъ, какъ напр. работа Бахофена, подарившаго исторію человѣчества благодаря одностороннему пользованію имъ цѣлымъ до него неизвѣстнымъ и доселѣ, въ нашихъ глазахъ, баснословнымъ періодомъ женовластія, или нашего Воеводскаго, который не задумался признать древнихъ грековъ канныбалами на основаніи мифологическихъ сказаній, коихъ не только греческое, но и арійское происхожденіе является болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

За мифологическими сказаніями слѣдуетъ еще громаднѣй и доселѣ недостаточно изученный материалъ народныхъ сказокъ, пѣсенъ, былинъ, поговорокъ, поговорокъ и т. п., въ которыхъ такъ много бытовыхъ данныхъ давно пережитаго уже прошлаго. Кто, въ самомъ дѣлѣ, станетъ сомнѣваться въ той пользѣ, какую принесло бы изученію нашихъ свадебныхъ обрядовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего семейно-обычнаго права въ Россіи по возможности полное изданіе русскихъ свадебныхъ пѣсенъ; кто не пожелаетъ поэтому скорѣйшаго окончанія труда г. Шейна—этого неутомимѣйшаго изслѣдователя, который, путемъ личныхъ и денежныхъ пожертвованій, при самыхъ скромныхъ средствахъ, въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, неустанно работаетъ надъ собираніемъ богатѣйшаго бытоваго матеріала, способнаго составить гордость не одного только собирателя, но и того народа, въ средѣ котораго могутъ оказаться такіе самоотверженные труженики.

Археологическій приѣмъ въ частности.

Мнѣ остается въ настоящее время упомянуть еще объ одномъ приѣмѣ, нашедшемъ себѣ въ послѣднее время широкое примѣненіе въ частности и у насъ. Я разумѣю изученіе довольно удачно названныхъ г. Самоквасовымъ вещественныхъ свидѣтельствъ, другими словами—матеріала, доставляемаго археологическими раскопками. Я думаю, что за г. Самоквасовымъ должна быть признана заслуга человѣка, болѣе другихъ содѣйствовавшаго въ средѣ нашего общества и нашихъ ученыхъ установленію того воззрѣнія, что изученіе нашей древнѣйшей культуры требуетъ предварительнаго знакомства съ тѣми сокровищами, какія заключаютъ въ себѣ разсѣянные на протяженіи всей Россіи курганы. Сказать болѣе этого, признать за г. Самоквасовымъ заслугу ученаго, впервые достигшаго опредѣленныхъ и неоспоримыхъ результатовъ, путемъ пользованія этими вещественными свидѣтельствами, не позволяетъ мнѣ самый характеръ его работъ. И въ первомъ своемъ трудѣ, «Происхожденіе городовъ въ Россіи», и въ первомъ

выпускъ своей «Исторіи русскаго права» г. Самоквасовъ думаетъ найти во множествѣ уцѣлѣвшихъ у насъ городищъ реальное доказательство преобладанія въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи городского быта надъ сельскимъ. Почти доисторическая древность городищъ, въ его глазахъ, является вполне доказанной фактомъ существованія вблизи отъ нихъ кургановъ. Определеніе народности этихъ кургановъ является такимъ образомъ для него первымъ шагомъ къ рѣшенію вопроса, какъ о происхожденіи находимаго въ курганахъ матеріала, такъ и древности расположенныхъ вблизи кургановъ городищъ. Въ этомъ, у насъ еще новомъ, дѣлѣ г. Самоквасовъ нашелъ уже многочисленныхъ предшественниковъ на протяженіи всей Западной Европы и въ частности въ Германіи.

Попытки определить народность могилъ, разбросанныхъ по Европѣ, начались уже давно. Онѣ встрѣчаются еще въ XVII и XVIII вѣкахъ, и по справедливому утверженію г. Котляревскаго, «не привели ни къ чему, потому что занимавшіеся раскопкою могилъ ученые думали разрѣшить (по примѣру Добпера) вопросъ о народности кургановъ тѣмъ, что славянамъ усвоивали исключительный обычай погребенія въ землѣ, нѣмцамъ же — обычай сожженія». Не указывая на цѣлый рядъ другихъ работъ, сошлюсь на общеизвѣстное сочиненіе Гримма о погребальныхъ обрядахъ различныхъ народовъ земнаго шара, въ которомъ такъ обстоятельно

развита мысль о томъ, что погребеніе и сожженіе встрѣчаются одно возлѣ другаго у всѣхъ и каждаго изъ племенъ не только арійской семьи, но и совершенно разнороднаго съ ними происхожденія. Не менѣе произвольными оказались выводы насчетъ народности кургановъ, дѣлаемые по внѣшней формѣ кургановъ или по наименованію, даваемому имъ мѣстнымъ населеніемъ. Вендскія могилы, изслѣдованныя Лишемъ въ Макленбургѣ и признанныя имъ славянскаго происхожденія, оказались вовсе не существующими въ земляхъ, издревле населенныхъ славянами и, напротивъ того, весьма распространенными въ мѣстахъ, въ которыхъ, сколько извѣстно, не жило ни одно славянское племя, въ Скандинавіи, Шлезвигѣ, Вестфалии и западномъ Тюрингенѣ, на что своевременно и было указано Гизебрехтомъ и Вейнгольдомъ. Если опредѣленіе народности кургановъ находитъ непреодолимыя трудности въ мѣстностяхъ, въ которыхъ, какъ напр. въ Скандинавіи, населеніе составилось, если не изъ одной германской народности, то, во всякомъ случаѣ, изъ позднѣйшаго наслоенія одной лишь изъ вѣтвей арійской семьи на первоначальномъ пластѣ финскаго или туранскаго происхожденія, то тѣмъ больше трудности, по справедливому заявленію г. Котляревскаго, встрѣчаетъ рѣшеніе вопроса о народности кургановъ въ мѣстностяхъ, заселенныхъ славянами, и вотъ по какой причинѣ. Славяне нигдѣ не являются древнѣйшими насельниками, а, напротивъ

того, всюду занимають мѣстности, чрезъ которыя прошли народы одной съ ними семьи — кельты, германцы, литовцы—народы, которые по этой причинѣ имѣли весьма сходные погребальныя обычаи, вынесенные ими изъ общей ихъ родины. Принимая во вниманіе все сказанное выше, трудно допустить возможность опредѣленія народности могилъ, безъ изученія конструкціи находимыхъ въ нихъ череповъ, а между тѣмъ объ этомъ необходимомъ обращеніи къ даннымъ антропологии г. Самоквасовъ и знать ничего не хочетъ, хотя изъ его же сообщеній видно, что въ изслѣдованной имъ мѣстности могилы съ черепами попадаются весьма часто; всѣ свои заключенія о народности раскопанныхъ имъ могилъ г. Самоквасовъ опираетъ поэтому лишь «на сходствѣ похороннаго обряда, открытаго въ курганахъ, содержащихъ въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, съ обрядами похоронъ у русскихъ славянъ языческой эпохи, записанными Несторомъ».

Опуская такимъ образомъ совершенно произвольно важнѣйшій (по точности получаемыхъ отъ примѣненія его результатовъ) антропологическій приемъ при опредѣленіи народности могилъ, г. Самоквасовъ позволяетъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть тождество тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ можетъ быть указано на полнѣйшее несходство, я разумѣю—при сопоставленіи лѣтописнаго разсказа о погребальныхъ обычаяхъ радимичей, сѣверянъ, вятичей, кривичей и др. язычниковъ съ

открывшимся путем раскопки кургановъ погребальнымъ ритуаломъ. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ лѣтописецъ, и что въ состояніи констатировать г. Самоквасовъ путемъ самостоятельной раскопки кургановъ? «Радимичи, вятичи и сѣверь одинъ обычай имяху... Аще кто умряше... творяху кладу велику... собравше кости, вложяху въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ». Въ одномъ лишь лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго къ вышеприведенному тексту прибавлено «и въ курганы сытаху». Въ остальныхъ же спискахъ и прежде всего въ древнѣйшемъ Лаврентьевскомъ не говорится ни слова о возведеніи кургановъ надъ урнами или «судинами». Между тѣмъ изъ раскопокъ г. Самоквасова оказывается, что надъ всѣми такими судинами воздвигаемы были курганы. Очевидно, что для того, чтобы доказать свою мысль о тождествѣ погребальнаго обряда, открываемаго раскопками кургановъ, съ описываемымъ Несторомъ, г. Самоквасову слѣдовало привести текстъ лѣтописца Переяславля Суздальскаго, мотивируя вмѣстѣ съ тѣмъ (что было бы, замѣтимъ мимоходомъ, нелегко) исключительное обращеніе къ этому тексту. На самомъ же дѣлѣ, г. Самоквасовъ ссылается, въ примѣчаніи къ III гл., на Ипатьевскій списокъ лѣтописи и на показанія арабскаго писателя Ибнъ-Даста, въ которыхъ нѣтъ и помину о возведеніи холмовъ могильныхъ надъ урнами, а напротивъ того встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ изъ

приводимыхъ источниковъ, категорическое заявленіе о томъ, что пепель собираютъ и кладутъ въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ (переводъ Гаркави, стр. 265; переводъ Хвольсона, стр. 29). Итакъ, тождества между погребальнымъ обрядомъ, описываемымъ Несторомъ и Ибнъ-Дастомъ, и погребальнымъ ритуаломъ, открытымъ г. Самоквасовымъ путемъ раскопки кургановъ, никакого нѣтъ. Несторъ и Ибнъ-Дастъ говорятъ объ урнахъ съ пепломъ покойнаго на путяхъ и холмахъ; раскопки же—объ урнахъ, опущенныхъ въ землю. Если нѣтъ тождества, то и дѣлаемый на основаніи произвольнаго допущенія этого тождества выводъ насчетъ принадлежности раскопанныхъ г. Самоквасовымъ кургановъ славянамъ невѣренъ и во всякомъ случаѣ недоказанъ.

Прибавимъ отъ себя, что еслибы даже существовало полное соотвѣтствіе между обнаруживаемымъ раскопками погребальнымъ ритуаломъ и Несторовымъ описаніемъ погребальнаго обычая славянъ, заключеніе о принадлежности раскопанныхъ кургановъ славянамъ оставалось бы тѣмъ не менѣе произвольнымъ, такъ какъ собраніе пепла въ траурныя урны встрѣчается сплошь и рядомъ и у другихъ вѣтвей арійской семьи, а не у однихъ славянъ, въ чемъ г. Самоквасовъ могъ бы убѣдиться изъ чтенія классическаго сочиненія Гримма.

Г. Самоквасовъ не ограничивается произвольнымъ утвержденіемъ принадлежности славянамъ

тѣхъ кургановъ, которые ему пришлось раскопать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Черниговской, Полтавской, Курской и Харьковской губ. Онъ еще считаетъ доказаннымъ слѣдующее предположеніе: «Могилы, содержащія въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, разрытыя мною въ 12 мѣстностяхъ сѣверянской земли, въ количествѣ до 200, принадлежатъ сѣверянамъ-язычникамъ».

Въ подкрѣпленіе этого произвольнаго положенія г. Самоквасовъ приводитъ свидѣтельство Нестора о томъ, что сѣверяне сидѣли по Деснѣ, Семи и Сулѣ, т. е. въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ производились имъ раскопки, при чемъ совершенно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что сѣверяне поселились въ земляхъ, занятыхъ уже раньше ихъ финскимъ населеніемъ.

Послѣ сказаннаго, я рѣшительно отказываюсь придавать какое нибудь значеніе выводамъ, къ которымъ приходитъ г. Самоквасовъ по вопросу о бытѣ сѣверянъ. То обстоятельство, что въ найденныхъ имъ курганахъ встрѣчаются различные по своему богатству предметы, или, что одни курганы больше, а другіе меньше, можетъ въ такой же мѣрѣ быть объяснено фактомъ принадлежности этихъ кургановъ различнымъ по своему происхожденію народностямъ, какъ и тѣмъ соображеніемъ, что въ нихъ погребены лица различныхъ классовъ. Во всякомъ случаѣ оно едва ли способно поколебать выводъ, къ которому пришли г. Сергѣевичъ и другіе историки на счетъ

несуществованія сословій въ древней Россіи даже въ періодъ времени, слѣдующій за пришествіемъ князей, а тѣмъ болѣе въ предшествовавшую эпоху.

При рѣшеніи вопроса о культурѣ сѣверянъ, г. Самоквасовъ принимаетъ во вниманіе значительное число городищъ, найденныхъ имъ въ области сѣверянъ. Возведеніе этихъ городищъ сѣверянами, въ его глазахъ, неоспоримо въ виду того обстоятельства, что въ окрестностяхъ этихъ городищъ встрѣчаются курганы, принадлежность которыхъ сѣверянамъ, какъ онъ полагаетъ, доказана вышеприведенными соображеніями. Допуская даже не правильность всей приведенной нами выше аргументаціи, признавая, что г. Самоквасовъ блистательно доказалъ возведеніе кургановъ сѣверянами, мы все таки позволимъ себѣ поставить г. Самоквасову вопросъ: чѣмъ онъ можетъ доказать одновременное возведеніе кургановъ и городищъ, и почему городища не могли возникнуть много вѣковъ спустя послѣ возведенія кургановъ? На этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта въ книгѣ г. Самоквасова, а слѣдовательно нѣтъ у насъ и данныхъ къ признанію факта возведенія городищъ сѣверянами, а не другимъ какимъ нибудь неизвѣстнымъ намъ племенемъ, славянскимъ или нѣтъ, явившимся раньше или позже ихъ, можетъ быть даже ими самими, но въ историческій періодъ ихъ жизни, послѣ призванія или нашествія варяго-русскихъ князей.

Разбирая теоретическія построенія г. Самоквасова

сова, намъ приходилось дѣлать столько произвольныхъ допущеній, что мы не имѣемъ основанія отступить отъ дальнѣйшаго признанія доказаннымъ того, что на самомъ дѣлѣ является не болѣе, какъ личной гипотезой автора. Допустимъ, что и народность городищъ доказана г. Самоквасовымъ, что они дѣйствительно воздвигнуты сѣверянами. Что изъ этого слѣдуетъ? Лишь то, что подобно всѣмъ другимъ народамъ, перешедшимъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому, но продолжающимъ враждовать съ сосѣдями, сѣверяне огораживали свои поселенія на случай возможныхъ набѣговъ. Отъ этого до признанія у «сѣверянъ языческой эпохи значительныхъ политическихъ обществъ», какъ это дѣлаетъ г. Самоквасовъ, еще далеко (стр. 203).

Итакъ въ концѣ концовъ, ни одно изъ основныхъ положеній г. Самоквасова и ни одинъ изъ выводовъ, дѣлаемыхъ имъ на основаніи этихъ положеній, не является не только вполнѣ, но даже и отчасти доказаннымъ.

Все изложеніе о бытѣ сѣверянъ представлено было г. Самоквасовымъ какъ примѣръ тому, какъ слѣдуетъ пользоваться вещественными памятниками для тѣхъ или другихъ историческихъ построеній. Мнѣ кажется, что я вполнѣ точно формулирую мою мысль, сказавши, что въ этомъ отдѣлѣ г. Самоквасовъ наглядно показалъ, какъ не слѣдуетъ пользоваться этими памятниками.

Необходимость одновременнаго обращенія къ разнообразнымъ приемамъ и взаимной провѣрки результатовъ.

Въ заключеніе нашего обзора мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что большая или меньшая безспорность добытыхъ изслѣдователемъ выводовъ можетъ быть достигнута лишь подъ условіемъ одновременнаго обращенія, если не ко всѣмъ, то къ возможно большому числу приемовъ и провѣрки выводовъ, полученныхъ нами съ помощью одного изъ нихъ, путемъ обращенія къ другимъ. Только подъ условіемъ полного совпаденія или, по меньшей мѣрѣ, не противорѣчія данныхъ, установленныхъ независимо другъ отъ друга путемъ обращенія къ различнымъ по своему характеру приемамъ, возможно по истинѣ научное обоснованіе тѣхъ или другихъ возрѣній на характеръ древнѣйшихъ учрежденій, и наоборотъ, всякое несоотвѣтствіе, всякое противорѣчіе въ состояніи будетъ подорвать довѣріе къ разъ достигнутымъ выводамъ. Сознаніе этой истины на-

чинаетъ постепенно проникать въ среду русскихъ ученыхъ, рѣшительнымъ доказательствомъ чему могутъ служить опять таки работы г. Самоквасова. Онѣ же, какъ намъ кажется, всего лучше иллюстрируютъ мысль о полнѣйшей несостоятельности тѣхъ или другихъ историческихъ выводовъ, разъ эти выводы находятъ прямое противорѣчіе себѣ въ фактахъ, обнаруживаемыхъ параллельнымъ обращеніемъ къ другимъ приемамъ. Желая доказать правильность установленнаго имъ положенія, касательно существованія въ бытѣ русскихъ славянъ городовъ раньше селъ, г. Самоквасовъ, обращается къ изученію данныхъ, доставляемыхъ путешественниками, историками и юристами касательно характера поселеній у различныхъ народовъ земнаго шара: неосновательнаго въ такомъ приемѣ я не вижу рѣшительно ничего; неосновательны лишь выводы, полученные съ помощью злоупотребленія имъ. Невыяснивши себѣ предварительно дѣйствительнаго различія между городомъ и селомъ, г. Самоквасовъ думаетъ, что нашелъ указаніе на городской характеръ поселеній всякій разъ, когда въ привлекаемомъ имъ свидѣтельствѣ упоминается о тынѣ, или валѣ. Его не смущаютъ по этому даже такія повидимому неоспоримыя свидѣтельства, какъ напр. тацитово, о совершенномъ несуществованіи городовъ у германцевъ *), и онѣ рѣшительно утверждаетъ, что въ

*) Nullas Germanorum urbes populus habitari satis notum est.

показаніяхъ того же писателя о каттахъ, какъ о ставящихъ днемъ караулы, а на ночь укрѣпляющихся валомъ, слѣдуетъ видѣть указаніе на существованіе у германцевъ городовъ раньше сель. Не давая себѣ въ то же время ни малѣйшаго отчета въ различіи представленій, какія римскіе писатели и въ числѣ ихъ Цезарь связывали съ употребленіемъ терминовъ *civitas*, *urbs*, *oppidum*, *castrum* и даже *vicus*, г. Самоквасовъ прямо заноситъ въ списокъ городскихъ поселеній не только укрѣпленные лагеря, но и простыя селенія. Очевидно, что не имѣя г. Самоквасовъ при самомъ началѣ своихъ историко-сравнительныхъ изслѣдованій уже напередъ сложившейся теоріи, онъ не прочелъ бы въ памятникахъ, на которые ссылается, ничего, кромѣ рѣшительнаго отрицанія факта возникновенія городовъ раньше сель. Онъ бы нашелъ въ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе факту существованія городищъ, какъ чего то совершенно отличнаго отъ сель и представляющаго собою частью временныя, частью постоянныя укрѣпленные лагеря. Въ моемъ разборѣ сочиненія г. Самоквасова *) я старался показать, что передаваемый имъ самимъ фактъ занятія городищемъ нерѣдко не болѣе 500—700 аршинъ или шаговъ въ окружности не даетъ возможности допустить, чтобы такой поселокъ могъ служить чѣмъ инымъ, какъ крѣпостцею. Еще раньше появ-

*) См. „Критическое Обзорѣніе“, № 8.

ленія въ свѣтъ послѣдняго сочиненія автора я старался показать *), что городище находитъ аналогичное себѣ явленіе въ упоминаемыхъ Юліемъ Цезаремъ укрѣпленныхъ лагеряхъ у кельтовъ. Текстъ, который я имѣлъ при этомъ въ виду, взятъ изъ 21 главы V кн. цезаревыхъ комментаріевъ; въ буквальномъ переводѣ онъ гласитъ слѣдующее: «*oppidum* бриты называютъ недоступныя лѣсистыя мѣстности, укрѣпленные валомъ и рвомъ,—мѣстности, въ которыя они имѣютъ обыкновеніе собираться для избѣжанія нападений со стороны враговъ» **). Что такого рода значеніе *oppidum* имѣлъ не въ одной только Британіи—доказательство этому можно найти, какъ въ словарѣ Феста, приводящаго слѣдующую ошибочную терминологию слова *oppidum*: «*oppidum* получилъ свое наименованіе отъ того, что даетъ защиту лицамъ въ него стекающимся» ***), такъ и изъ другихъ мѣстъ тѣхъ же комментаріевъ, показывающихъ, что мѣстоположеніемъ *oppidum* являлись—мѣстности, хорошо защищенныя самой природой, мѣстности, счастливо расположенныя въ географическомъ отношеніи. Такъ во второй книгѣ своихъ коммента-

*) См. Юрид. Вѣстникъ за 1877-ой годъ.

**) *Oppidum Britannii vocant quum silvas impeditas vallo atque fossa munierunt quo incursionis hostium vitandae causa convenire consuescunt* (Caes. V, 21).

***) *Oppidum dictum est ab eo quod opem dat eò confugientibus.*

ріевъ (гл. 29) Цезарь употребляетъ выраженіе «*oppidum egregie natura munitum*». Изъ тѣхъ же комментаріевъ мы узнаемъ что Melun (*Melodunum*), обозначенный тѣмъ же терминомъ *oppidum*, расположенъ былъ на одномъ изъ острововъ Сены. Наконецъ (кн. VI, гл. 4 и 10), что въ *oppida* Галліи сосѣднее населеніе сель имѣло обыкновеніе сбѣгаться при приближеніи непріятелей и искать въ нихъ убѣжища не только для самихъ себя, но и для скота *). Послѣ сказаннаго едва ли остается мѣсто для сомнѣнія въ томъ, что *oppida* обязаны своимъ возникновеніемъ и въ Британіи, и въ Галліи, «обычаю укрѣплять нѣкоторыя, выгодно расположенныя въ географическомъ отношеніи, мѣстности и искать въ нихъ убѣжища на случай возможныхъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ» **).

Когда я писалъ эти строки, я еще не былъ знакомъ съ весьма интереснымъ трудомъ профессора Котляревскаго, — трудомъ, замѣчательнымъ по богатству матеріала и библіографической полнотѣ; въ этомъ трудѣ я нахожу прямое доказательство существованія укрѣпленныхъ лагерей не только у кельтовъ, но и у одноплеменныхъ съ русскими балтійскихъ славянъ. «Внутреннія усабицы и

*) *Iubet in oppida multitudinem convenire. Imperat ut pecora deducant suaque omnia ex agris in oppida conferant.*

**) См. Юрид. Вѣст. за 1877 г.

вторженіе виѣшнихъ враговъ, говоритъ почтенный изслѣдователь, рано должны были вызвать въ населеніи заботу объ упроченіи своего существованія, о постоянной защитѣ. Слѣдствіемъ этого было возникновеніе укрѣпленныхъ мѣстъ, крѣпостей или городковъ (*castra, urbes, civitates*), за стѣнами которыхъ, въ случаѣ вражьяго нападенія, жители могли найти безопасное убѣжище. Городки возводились въ защищенныхъ самою природою мѣстностяхъ, большею частью на возвышенностяхъ, среди болотъ: болѣе или менѣе пространная площадь, пустая, или застроенная зданіями, обносилась округлымъ землянымъ валомъ, который иногда укрѣплялся еще частоколомъ и бревнами. Здѣсь обыкновенно помѣщались и святилища. Въ мирное время городки оставались пусты; на все время войны или нападенія враговъ сюда собирались и сносили свое имущество жители и, подъ покровомъ боговъ, отстаивали свое существованіе и независимость. Чѣмъ болѣе страна подвергалась нападеніямъ, тѣмъ болѣе бывало въ ней городковъ: уже въ X столѣтіи у Оботритовъ ихъ было 53, у Вильцовъ—95 и т. д. Образецъ такихъ укрѣпленій представляютъ Аркона и Кореница на островѣ Руяніѣ, обстоятельно описанныя Саксономъ Грамматикомъ. Можно полагать, прибавляетъ авторъ, что и такъ называемыя городища, разсѣянныя во множествѣ по землямъ, занятымъ славянами, суть остатки подобныхъ религиозно оборонительныхъ укрѣпленій. Вполнѣ

присоединяясь къ этому мнѣнію, мы полагаемъ, что простаго знакомства съ приводимыми профессоромъ Котляревскимъ фактами, равно и съ тѣми данными, какія приведены выше изъ быта кельтовъ и германцевъ, было бы совершенно достаточно для того, чтобы вкоренить убѣжденіе въ томъ, какъ слабо подкрѣпляютъ выводы сравнительнаго изученія права теорію развитія городовъ раньше селъ и какъ легко примиряется обнаруживаемый городищами фактъ существованія у первобытныхъ народовъ укрѣпленныхъ лагерей съ повсемѣстнымъ господствомъ сельскаго быта надъ городскимъ въ ранній періодъ общественнаго развитія. Сравнительный методъ, научное орудованіе которымъ возможно лишь подъ условіемъ непосредственнаго знакомства съ памятниками исторіи права сравниваемыхъ народовъ, несомнѣнно убѣдилъ бы г-на Самоквасова въ совершенной ошибочности его заключенія, если бы въ основу своихъ сравнительныхъ этюдовъ авторъ «Исторіи русскаго права» пожелалъ бы положить не тенденціозное толкованіе случайно вырванныхъ имъ текстовъ, а всю сумму историческаго матеріала, представляющагося изслѣдователю исторіи возникновенія городовъ на западѣ Европы. Примѣръ г. Самоквасова такимъ образомъ скорѣе убѣждаетъ въ пользѣ историко-сравнительной провѣрки, нежели въ обратномъ. Неуспѣшность его попытокъ, ошибочность достигнутыхъ имъ результатовъ, объясняется одной

лишь неподготовленностію автора, отнюдь не свойствомъ того приѣма, въ которомъ онъ съ полнымъ основаніемъ искалъ критерія для своихъ заключеній.

**Приемы изучения прямых источников истории
права—памятников законодательства и юридиче-
ской практики.**

Обращение къ любому изъ описанныхъ нами приемовъ, проверка выводовъ одного выводами другого являются не болѣе какъ подспорьемъ къ научному изученію самихъ памятниковъ законодательства и юридической практики. На взглядъ человѣка, незнакомаго съ дѣломъ, изученіе памятниковъ древняго права кажется дѣломъ весьма простымъ; вся задача ученаго сводится, самое большее, къ толкованію статей, къ выводу изъ той или другой комбинаціи ихъ такихъ положеній, какія непосредственно не стоятъ въ самомъ текстѣ. Что десятый томъ, что Русская Правда—для нихъ все равно. Изъ одного умолчанія тѣмъ или другимъ древнимъ сводомъ объ искомомъ ими институтѣ они приходятъ къ заключенію, что и самаго этого института не существовало въ эпоху редакціи свода. Наоборотъ, всякая позднѣйшая вставка въ древній текстъ свода доказываетъ, въ ихъ гла-

захъ, существованіе въ немъ съ древнѣйшихъ временъ упоминаемыхъ въ вставкѣ нормъ права. О строгой, не только филологической, но и культурно-исторической критикѣ текста, сличенія рукописей, опредѣленіи, а иногда и восстановленіи древнѣйшей редакціи юристъ практикъ обыкновенно не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Неудивительно поэтому, что каждый разъ когда, оставляя дѣло толкованія статей дѣйствующаго права и судебныхъ рѣшеній, онъ безъ всякой предварительной подготовки пускается въ историческую разработку правовыхъ явленій, его историческая разработка является не болѣе, какъ той же догматической работой, только примененной къ статьямъ не какого нибудь изъ новыхъ сводовъ, а древнѣйшаго подчасъ памятника юридическаго развитія народа. Ничто не можетъ быть ненаучнѣе такого пріема; ничто не вызываетъ съ большимъ правомъ изумленія, а подчасъ и негодованія историковъ; ничто, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ привести къ большому извращенію фактовъ юридическаго прошлаго. Примѣнять къ толкованію отрывочныхъ и не всегда правильно понимаемыхъ ими текстовъ ту тонкую казуистику, какую современное гражданское право заимствовало, по крайней мѣрѣ въ существеннѣйшихъ чертахъ, у римскихъ юристовъ, прилагать къ явленіямъ слабо развитаго еще гражданского быта термины римской юриспруденціи и орудовать затѣмъ этими терминами, какъ существующими

фактами, — что можетъ быть произвольнѣе, ненаучнѣе и опаснѣе! — Съ такими приѣмами неудивительно найти вещные сервитуты тамъ, гдѣ въ дѣйствительности говорится объ общинныхъ угодьяхъ; неудивительно толковать о субъективной сторонѣ преступленія, о злой волѣ преступника (*dolus malus*), какъ объ обстоятельствѣ, принимаемомъ въ расчетъ при назначеніи кары въ законодательствѣ, которымъ къ отвѣтственности за матеріальный вредъ преступленія призываются не только люди, но и животныя. Примѣры, которые я привожу здѣсь, не вымышлены мною: я бы могъ дать цѣлый списокъ именъ, весьма громкихъ въ юриспруденціи, носители которыхъ предавались и доселѣ предаются такимъ подчасъ остроумнымъ, но всегда ребяческимъ упражненіямъ. Едвали однако составленіе такого обвинительнаго листа много облегчило бы дѣло усвоенія правильныхъ научныхъ приѣмовъ при изученіи памятниковъ древнѣйшаго законодательства и юридической практики. И сказаннаго мною уже вполне достаточно для того, чтобы прійти къ тому заключенію, что изученіе памятниковъ древняго права не сводится къ буквальному перенесенію въ тетрадку всего заключающагося въ нихъ содержанія, съ цѣлью построенія впоследствии изъ него болѣе или менѣе воздушныхъ замковъ, съ помощью такъ называемой юридической логики, признаваемой нѣкоторыми юристами почему-то съ гордостью часто отличной отъ обык-

новенной человѣческой логики, а прежде всего въ строгой научной критикѣ самыхъ памятниковъ

Почти вѣковое изученіе древнѣйшихъ сводовъ, по преимуществу въ Германіи, выяснило мало по малу ихъ дѣйствительный характеръ. Пришлось постепенно отказаться отъ мысли видѣть въ нихъ собраніе всѣхъ дѣйствующихъ у извѣстнаго народа юридическихъ нормъ; пришлось согласиться, что въ нихъ сохранились лишь немногія отрывочныя и разновременныя возникшія постановленія обычнаго и писанаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ установилось и убѣжденіе, что во всякомъ умолчаніи не слѣдуетъ видѣть неоспоримаго свидѣтельства въ пользу несуществованія тѣхъ или другихъ нормъ, равно какъ и во всякомъ утвержденіи ошибочно искать доказательства древности утверждаемаго явленія. Древнѣйшіе своды обыкновенно не дошли до насъ въ ихъ первоначальной редакціи. Множество разновременныхъ вставокъ, глоссъ, толкованій и извращеній постепенно внесены были въ дошедшіе до насъ тексты подъ вліяніемъ и по мѣрѣ юридическаго развитія народа. Выдѣлить эти позднѣйшія вставки путемъ не одной лишь внѣшней критики (критики самаго текста), но и путемъ критики внутренней (критики заключающагося въ текстѣ содержанія)—такова первая задача всякаго маломальски научнаго изученія древнѣйшихъ памятниковъ законодательства. Только путемъ такой критики возможно было выдѣленіе мальбергской

гlossы изъ текста обнимающаго ее саллическаго закона; только путемъ сопоставленія дошедшихъ до насъ текстовъ вестготскихъ законовъ, древнѣйшаго, издавнаго Блуме и того, какой включенъ въ изданіяхъ Вальтера и Пертца, возможно опредѣленіе, какъ древнѣйшаго характера вестготскаго права, такъ и того направленія, въ какомъ совершалось его дальнѣйшее развитіе; только путемъ сопоставленія и критики многочисленныхъ текстовъ Русской Правды мыслимо правильное воспроизведеніе нашего юридическаго быта въ XI столѣтіи. Трудности, какія представляются при этомъ изслѣдователю, очертятся сами собою, если принять въ расчетъ сомнительность хронологіи по отношенію ко времени возникновенія самихъ сводовъ и ихъ редакцій, а равно и то обстоятельство, что древнѣйшія редакціи, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не дошли до насъ, что знакомство, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ содержащихся въ нихъ постановленій возможно не иначе, какъ путемъ изученія позднѣйшихъ сводовъ. Въ иллюстраціяхъ сказаннаго не можетъ быть недостатка. Возьмемъ хотя бы индусскіе своды, которые по древности своей не находятъ себѣ подобныхъ у народовъ западной Европы. Неопредѣленность ихъ хронологіи самая полная. Касательно происхожденія одного свода Ману высказано было до пяти различныхъ мнѣній. Первый его издатель, Джонсъ, отнесъ время его возникновенія къ 1280 г. до Р. Х., Шлегель—къ 1000 г., Эль-

Финстонъ—къ 900 г., Монье Вильямсъ—къ 500 г., наконецъ Максъ Мюллеръ—къ 200. Также неопредѣленность хронологіи существуетъ, правда далеко не въ равной мѣрѣ, и по отношенію къ другимъ древнѣйшимъ сводамъ, Яджнавалькѣ, Нарадѣ, Митакшарѣ и прочимъ. Прибавьте къ этому, что, какъ показываетъ сборникъ Нарада, редакция свода Ману, дошедшая до насъ, не только не есть древнѣйшая, но представляетъ по меньшей мѣрѣ третье сокращеніе первоначальнаго текста, заключавшаго въ себѣ не менѣе 12000 статей. Многія изъ этихъ статей навсегда погибли, другія уцѣлѣли въ позднѣйшихъ сводахъ, въ Васиштѣ, Боудіанѣ (Vasishta, Baudhyana и др.), къ эксцерпированію которыхъ поэтому необходимо долженъ обратиться изслѣдователь древнѣйшаго юридическаго быта индусовъ.

Въ сказанномъ я далеко не исчерпалъ всѣхъ тѣхъ приемовъ научнаго изслѣдованія, какихъ потребуетъ отъ историка изученіе древнихъ сводовъ. Каждый изъ послѣднихъ представляетъ свои трудности, а потому и требуетъ приложенія къ его изученію особыхъ научныхъ средствъ. Перечисленіе всѣхъ и каждаго изъ нихъ является рѣшительно невозможнымъ. Я бы могъ и покончить на сказанномъ свой обзоръ, еслибы особаго рода трудности, встрѣченныя мною при изученіи древнѣйшихъ памятниковъ судебной и административной практики (я разумѣю договорные акты, граматы, судебные приговоры и т. п.), не

побуждали меня остановить въ частности внима-
ніе читателя еще на этомъ предметѣ. Я имѣлъ
уже случай говорить о томъ, что можно было бы
назвать консерватизмомъ права и что далеко
не составляетъ особенности одного римскаго
законодательства. Этотъ консерватизмъ права въ
частности проявляется и въ сферѣ юриди-
ческихъ формулъ. На разстояніи цѣлыхъ столѣтій
изслѣдователь находитъ буквальное повтореніе
въ памятникахъ юридической практики однихъ
и тѣхъ же выраженій, смыслъ которыхъ не рѣдко
ускользаетъ отъ лицъ, ихъ употребляющихъ, до-
казательствомъ чему служитъ частое извращеніе
того или другаго термина. Я не могу привести
болѣе нагляднаго примѣра, какъ примѣръ гра-
матъ королей норманской и анжуйской дина-
стій въ Англіи. Хотя эти грамоты и написаны въ
XI, XII, XIII и XIV вѣкахъ, въ эпоху господства
въ Англіи французскаго языка, онѣ тѣмъ не ме-
нѣе преисполнены англосаксонскихъ терминовъ,
нерѣдко въ самыхъ уродливыхъ редакціяхъ. Я
могу взять любой изъ напечатанныхъ мною актовъ
пожалованій земель и владѣній не только самого
Вильгельма Завоевателя, но и Генриха I, Ричарда,
Іоанна Безземельнаго, Генриха III и Эдуардовъ и
показать вамъ въ нихъ однообразное повтореніе
однихъ и тѣхъ же англо-саксонскихъ терминовъ.
Пожалованія происходятъ каждый разъ «*cum saca
et soca, thol, theam, infangtheof, utfangthief, grith-
bruche, hamsocna* и т. д.» Спрашивается теперь,

выравъ ли изслѣдователь заключать изъ одного употребленія вышеуказанныхъ англосаксонскихъ словъ въ XI, XII, XIII и XIV вѣкѣ о томъ, что выраженные ими понятія были извѣстны тому времени, къ которому относятся самые памятники.

Давая утвердительный отвѣтъ, изслѣдователь сдѣлалъ бы роковую ошибку, — ошибку, сплошь и рядомъ встрѣчаемую тѣмъ не менѣе въ лучшихъ работахъ по исторіи англійскаго права. Въ моихъ глазахъ то обстоятельство, что юридическія формулы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій продолжаютъ оставаться неизмѣнными, нерѣдко вопреки измѣнившимся условіямъ народнаго быта, совершенному исчезновенію или перемѣнѣ характера въ упоминаемыхъ ими институтахъ, необходимо должно побуждать историка-юриста къ возможно-осторожному обращенію съ ними. Только подъ условіемъ подкрѣпленія дѣлаемыхъ на основанія ихъ выводовъ другими одновременными памятниками, возможно заключеніе насчетъ существованія въ эпоху редактированія самихъ актовъ юридическихъ явленій, буквально отвѣчающихъ употребляемымъ актами выраженіямъ. Постараюсь пояснить мою мысль примѣромъ. Почти во всѣхъ и каждой изъ упомянутыхъ мною дарственныхъ грамотъ встрѣчается терминъ: «lecherwite». Въ одномъ текстѣ XI в., включенномъ въ красную книгу казначейства (red book of the Exchequer), хранящуюся въ Лондонскомъ центральномъ архивѣ, мы находимъ слѣдующее объясненіе этого англо-саксонскаго тех-

ническаго выраженія «Lecherwite, сказано въ немъ, состоитъ въ правѣ помѣщика требовать денежнаго вознагражденія со всякаго, кто вступитъ въ предлюбодѣйственный союзъ съ одной изъ его крѣпостныхъ». Спрашивается теперь, можно ли изъ одного факта употребленія этого термина грамотами конца XIV вѣка заключать, что помѣщикъ все еще продолжалъ пользоваться этимъ правомъ? Я полагаю, что нѣтъ. Мнѣ кажется, что изслѣдователю придется поискать новаго матеріала для правильнаго рѣшенія возникшаго вопроса; этотъ матеріалъ содержится въ изобиліи въ судебныхъ протоколахъ, въ актахъ вотчинныхъ судовъ, нигдѣ неучтѣвшихся въ такомъ числѣ, какъ въ Англіи. Эти протоколы необходимо приведутъ его къ заключенію, что въ концѣ XIV вѣка это право, находившее еще примѣненіе себѣ въ XII и XIII столѣтіяхъ, совершенно вышло изъ употребленія; что и неудивительно, такъ какъ крѣпостная зависимость въ большинствѣ мѣстностей успѣла уже уступить мѣсто зависимости оброчной.

Возьмемъ еще примѣръ. Въ грамотахъ XIV вѣка такъ же часто встрѣчается упоминаніе о frankpledge или десятичныхъ союзахъ круговой поруки, какъ и въ грамотахъ конца XI столѣтія. Слѣдуетъ ли изъ этого, что этотъ институтъ, вызванный къ жизни завоеваніемъ, продолжалъ держаться и послѣ совершеннаго сліянія обѣихъ національностей, англо-саксонской и норманской. Одно лишь обращеніе къ одновременнымъ памят-

никамъ въ состояніи, въ нашихъ глазахъ, дать на этотъ счетъ тотъ или другой отвѣтъ. Что находимъ мы въ этихъ памятникахъ? Судебные протоколы прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что подъ стариннымъ наименованіемъ начальниковъ десяти (decinators, capitales plegii) стали понимать въ однихъ помѣстьяхъ избираемыхъ жителями сельскихъ старшинъ, въ другихъ—членовъ обвинительнаго жюри, другими словами, лицъ, призванныхъ къ исполненію тѣхъ обязанностей, какія въ наши дни на протяженіи почти всего Европейскаго материка падаютъ на долю слѣдователей и лицъ прокурорскаго надзора.

Изъ приведенныхъ мною примѣровъ, кажется, вполне ясно выступаетъ та же необходимость проверки выводовъ, полученныхъ на основаніи изученія одного источника, путемъ параллельнаго изученія другихъ, о какой говорено было мною выше въ примѣненіи къ тѣмъ многообразнымъ приемамъ, цѣлью которыхъ является пополненіе отрывочныхъ и не точныхъ данныхъ, заключающихся въ прямыхъ источникахъ исторіи права.

Общее заключеніе.

Резюмируя въ немногихъ словахъ основныя положенія настоящаго этюда, я позволю себѣ сказать, что цѣлью его было выяснить, съ одной стороны, дѣйствительную задачу сравнительнаго метода и опредѣлить тѣ рамки, изъ которыхъ до поры до времени не должно выходить научное орудованіе имъ, а, съ другой,—въ самыхъ общихъ чертахъ охарактеризовать тѣ подчасъ весьма сложные приемы, къ какимъ обязаны прибѣгать историки по преимуществу древняго права. Въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что сравнительный методъ можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ точекъ зрѣнія: во первыхъ, какъ средство къ построенію совершенно новой еще вѣтви описательной соціологіи—я разумѣю естественную исторію человѣческихъ обществъ,—вовторыхъ, какъ одинъ изъ приемовъ изученія исторіи того или другаго права въ частности. Въ первомъ своемъ

значеніи, прибавлю кстати здѣсь, сравнительный методъ слѣдовало бы примѣнять одновременно къ изученію самыхъ разнообразныхъ сторонъ общезжитія. Для позитивиста не мыслимо изученіе одной лишь стороны быта народа, такъ какъ ему ясна связь всѣхъ и каждой изъ нихъ и опредѣленіе характера одной суммою тѣхъ вліяній, какія обнаруживаютъ другія. Во второмъ смыслѣ, въ смыслѣ особаго приѣма изученія исторіи права того или другаго народа, сравнительный методъ призванъ, какъ я старался показать, не къ обогащенію исторіи права новымъ матеріаломъ, а къ объясненію факта происхожденія тѣхъ или другихъ явленій юридическаго быта.

Въ этомъ отношеніи сравнительный методъ рѣзко отличается отъ цѣлаго ряда другихъ приѣмовъ, состоящихъ въ изученіи то фактовъ переживанія, то всей суммы правовыхъ нормъ извѣстнаго народа въ изучаемый періодъ его развитія, то данныхъ языка, миѳологіи и народной литературы, то, наконецъ, вещественныхъ свидѣтельствъ, представляемыхъ археологическими раскопками. Всѣ и каждый изъ названныхъ приѣмовъ прямо приводятъ къ обогащенію изслѣдователя новыми данными. Находя обоснованіе себѣ, какъ въ консерватизмѣ преимущественно обычнаго права, такъ и въ томъ обстоятельстве, что различныя явленія юридическаго быта тѣсно связаны между

собою и носятъ на себѣ отпечатокъ одинъ другаго, вышеуказанные приемы въ состояніи дать неопровержимые результаты лишь подъ условіемъ одновременнаго ихъ примѣненія и взаимной провѣрки.

Въ своей совокупности добытый съ помощью ихъ новый матеріалъ является не болѣе, какъ дополненіемъ къ тому, какой заключаютъ въ себѣ прямые источники исторіи права, памятники законодательства и юридической практики, научное изслѣдованіе которыхъ возможно опять таки не иначе, какъ подъ условіемъ примѣненія къ нимъ извѣстныхъ научныхъ приемовъ. Соотвѣтствіе выводовъ, полученныхъ путемъ изученія возможно разнообразнаго матеріала прямыхъ источниковъ, является наиболѣе надежнымъ ручательствомъ правильности общихъ заключеній.

Какъ ни просты высказанныя здѣсь мысли, онѣ не нашли доселѣ коллективнаго выраженія себѣ не въ одной лишь русской, но и въ западно-европейской юридической литературѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы описанные приемы являлись для кого либо новинкой. Историки и юристы сплошь и рядомъ примѣняли ихъ, не заботясь о выясненіи ихъ характера передъ читателями, иначе сказать, дѣйствовали методологично, хотя и не писали о методахъ,—точь въ точь какъ и въ другихъ отрасляхъ общественной науки, хотя бы,

напр., психологіи или ея составной части логики, первыя научныя построенія которой начались гораздо позже того, чѣмъ люди стали давать себѣ правильный отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ или мыслить логично.

СПббгу

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Историко-сравнительное изученіе права	5.
Приемы изученія исторіи права	22.
Археологическій приемъ въ частности	42.
Необходимость одновременнаго обращенія къ разно- образнымъ приемамъ и взаимной провѣрки резуль- татовъ	51.
Приемы изученія прямыхъ источниковъ исторіи права—памятниковъ законодательства и юриди- ческой практики	59.
Общее заключеніе	69.
